

0: РАЗГОВОРЫ В МЕЗОН-ЛАФФИТЕ, 1981

— Вас с Меровским соединял принцип реализма и гибкости политической тактики. А каковы были постоянные принципы, такие, которых вы придерживались всегда?

— Всегда я придерживался, и, пожалуй, не только в «Культуре», проблематики национальностей, проблематики национализма и отношения к Советскому Союзу. Для меня вопрос нормализации польско-русских отношений всегда был одним из важнейших, причем независимо от борьбы против существующего строя. Для нас российская опасность колоссальна. Поэтому если я занимаюсь национальными вопросами, то не только по причинам, так сказать, гуманистическим — типа защиты прав человека и т.п.

Для меня самое главное — создание независимого украинского государства: чтобы между нами и Россией был буфер. Однако это страна с сорокаmillionным населением — крупнее Польши. И это для нас вопрос совершенно принципиальный. Это не вопрос федерации — не очень-то я эту федерацию вижу, да и не нужна она: слишком много крови между нами, чтобы сегодня говорить о польско-украинской федерации, а когда об этом заговаривают, украинцы только приходят в ярость. Но сам факт возникновения украинского государства дает нам возможность маневра. Тогда вы можете найти союзника в чем-то, направленном против России, и, мало того, вы находите и российского союзника в чем-то, направленном против Украины. Это дает идею маневра, возможность маневра. И это вопрос жизни и смерти польского государства.

— Считая только послевоенный период, период нового геополитического и политического положения, вы отстаиваете эту концепцию уже 33 года. Как по-вашему: стала эта концепция за прошедшее время реальнее или наоборот?

— Я считаю, что она становится все более реальной. Примите только во внимание, как изменились польско-украинские отношения. Они изменились в огромной степени, причем и в эмиграции, где поначалу любое взаимопонимание, любые дискуссии были исключительно трудными, а сегодня эти дискуссии проходят в прекрасной атмосфере. Проводятся многочисленные коллоквиумы — то недавно в Канаде, то в Мюнхене, — польско-украинские научные конференции.

И это сотрудничество развивается очень хорошо также в отношении советской Украины. Мы в свое время издали по-украински антологию «Расстрелянное возрождение», составленную Юрием Лавриненко. Там были представлены поэты, расстрелянные при Сталине. Это стало в некотором роде сенсацией, так как там были многие тексты, совершенно неизвестные украинцам, настолько советская власть все изничтожила. Эта антология — и я говорю это без всякой мании величия — стала основой возрождения украинской литературы. Оттуда вышли так называемые украинские шестидесятники. Потому что те сто или двести экземпляров, которые попали на Украину, сыграли огромную роль.

— Но что стало с этими кругами теперь? В Польше обычно считают, что в 70-е годы и в России, и на Украине жестоко подавляли диссидентские движения.

— И даже во многом подавили. Но на Украине это движение все-таки остается сильным, даже сильнее, чем в самой России. Оно охватывает не только узкие круги интеллигенции, но и глубоко укоренено в академической среде, а главное — в массах. И это не так уж красиво, потому что это движение часто приобретает нацистский характер. Практически говоря, в массах прежде всего находит отклик лозунг «резать коммунистов и русских» и тому подобные настроения. Тем не менее, если вы возьмете в настоящий момент Киев или Харьков, вы увидите там не только очень большой интерес, но и очень большую симпатию к Польше. Это, кстати, совершенно недооценивают в Польше, среди польской интеллигенции. Не пытаются устанавливать контакты — я знаю, что это нелегко, но они этим просто пренебрегают.

— Как видно по вашей деятельности, вы по-прежнему верите в возможность решения этих вопросов. Это означает, что вы предполагаете возможность серьезных перемен, не правда ли?

— Мне кажется, что они неизбежны. Советский Союз — на пороге распада; это, на мой взгляд, не подлежит ни малейшему сомнению. Прежде всего в результате растущего национализма в отдельных союзных республиках. С

этим невозможно будет справиться. А кроме того, есть недостаточно оцененное явление: появились русские, которые принимают отрыв Украины или самостоятельность других республик.

Вы себе не представляете, как это важно. Когда Пилсудский с Савинковым подписали договор насчет Украины, то, как только Савинков согласился на независимость Украины, он тут же перестал существовать для русской эмиграции. Другой пример: было такое интересное периодическое издание в Польше, выходившее до войны, которое выпускал Философов, тесно сотрудничавший с Савинковым, — «За свободу»; Философов умер под Варшавой во время войны. Вы этого издания не найдете нигде, ни в какой библиотеке, даже в Библиотеке Конгресса, — так его бойкотировала русская эмиграция. Только русская эмиграция в Польше его читала, потому что оно было на очень хорошем уровне, очень интересное, а другого не было.

Сейчас, однако, вы видите целый ряд деятелей, от Александра Солженицына до Владимира Максимова, которые концепцию независимости Украины приняли. И это уже не вызвало такой бури, как в 20-е или 30-е годы. Это огромный шаг вперед. Возьмите книгу Солженицына, его «Письмо вождям Советского Союза», там он ясно говорит, что надо ограничиться Центральной Россией и Сибирью, и даже пытается объяснить, почему: потому что там мы всех уже вырезали, там никого нет, остались только мы, русские. А остальные пусть делают что хотят. Я пересказываю это крайне упрощенно, но речь идет о том, что это писатель, у которого огромный отклик в России. Потому-то я эту книгу в высшей степени ценю. На нее страшно нападали, в частности и поляки, потому что, как вы знаете, концепция Солженицына в «Письме» — это практически сохранение существующего строя, только с заменой марксизма какими-то видами национализма и православием. Это нас не касается. Это чисто внутреннее российское дело — не наша задача давать русским советы, как им собою править. Для меня важнее всего то, что он согласен на независимость Украины, или народов Кавказа, или азиатских республик. Сегодня существует целое крыло русской интеллигенции, которое на это согласно. И это позволяет питать умеренный оптимизм.

— Кроме национальных вопросов, в «Культуре» постоянно проходит другой политический мотив: тезис или даже уверенность в том, что система, господствующая в Польше, может претерпеть изменения и что эти изменения воплотит в жизнь общество, а не эмиграция или западные правительства, а также убеждение или же диагноз, согласно которому такие перемены произведут рабочие, то есть что начало им положат рабочие. Такая позиция тоже встречалась крайне редко. Можете ли вы сказать, чт&